

Владимир Чернявский

ГИБЛЫЙ
УЕЗД

Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ч-49

Дизайн внутреннего оформления *М. Хромцова*

Чернявский, Владимир Евгеньевич.

Ч-49 Гиблый уезд / Владимир Чернявский. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-218972-2

Дворянин Флавий Ушаков мечтал о науке и просвещении, а получил ссылку на окраину Империи в качестве губернского следователя. Да еще и уезд, который недаром прозывается в народе Гиблым. Здесь по дорогам катается мучной монстр-людоед Колоб. Здесь люди рождаются из гороха. Здесь золотые яйца выменивают на души. Вся надежда Флавия только на отцовский медальон-змеевик, хранящий древнюю магию, да на деревянную куклу по имени Егор. Но хватит ли этого, чтобы превозмочь злую силу загадочного колдуна по прозвищу Черный Касьян?

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-218972-2

© Чернявский В.Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

Дождь барабанил по оконной раме, то затихая, то припуская с новой силой. Флавий уткнулся лбом в запотевшее стекло, но его прохлада не спасала от лихорадки. Внизу, за окном, виднелись гранитная мостовая Английской набережной и парапет Невы. Сама река терялась в серой дождевой пелене, будто город разделила исполинская стена, скрывающая от глаз берег Васильевского острова.

Сегодня Флавию исполнилось десять. Он по привычке надел бархатные бриджи и белоснежную сорочку с широким кружевным воротником, хотя знал, что праздника не предвидится. Мать утром заглянула в детскую, прошептала, сдерживая слезы: «Люблю тебя!» — и умчалась следить за сборами в дорогу. Спустя час приехал посыльный от Анны и привез картонную коробочку размером с ладонь, перевязанную синим бантом. Флавий, затаив дыхание, потянул за тесемки. Внутри, под слоем шуршащей бумаги, лежал маленький, длинной вершка полтора, раскрашенный оловянный

солдатик. Гвардеец в зелено-красном мундире, белых панталонах и крагах одной рукой сжимал рукоять висящей на поясе сабли, а другой — опирался на ростовое ружье.

Раньше Флавий запрыгал бы от радости. Как-никак первый подарок от Анны, или Анюты, как зовут ее гувернантки. Сразу бы затеял игру. Вытащил бы из шкафа всю оловянную кавалерию и пехоту, расставил бы на паркете отряды и полки. Но солдатик остался лежать в коробке. Флавий сидел на подоконнике, глядел на льющуюся с неба воду и ждал неизбежного.

Сквозь шум дождя донесся стук копыт. Черный экипаж, запряженный четверкой гнедых, прогромыхал под окнами и скрылся из виду. Спустя минуту внизу над парадной дверью нервно звякнул колокольчик. Ноги понесли Флавия на лестницу. Дед Матвей только переступил порог, впустив с улицы холод и влажный запах дождя. Высокий, широкоплечий, он возвышался посреди прихожей мрачной глыбой. С его плаща на паркет обильно стекала вода. Рядом суетилась служанка с тряпкой.

Флавий не больше десятка раз виделся с дедом. Отставной полковник, герой времен очаковских и покоренья Крыма, тот давно уже перебрался в имение под Ярославлем и в столицу навещивался редко. Дед славился тяжелым несговорчивым нравом и в каждый свой приезд держал весь дом в напряжении.

ГИБЛЫЙ УЕЗД

— Александр, я позволил тебе жениться на безродной поморке, — подслушал однажды Флавий, как дед выговаривает отцу, — но я не намерен делить с ней стол.

Мать в тот день к ужину не вышла. Матвей Ушаков расположился за столом на главном месте. Слуги смотрели только на него. Отец сидел рядом, бледный, с плотно сжатыми губами.

— Род Ушаковых идет из тьмы столетий, — баял дед, разрезая кусок телятины. — Предки наши еще киевским князьям служили по военной части. Ты, Александр, своей наукой пращуров позоришь. Просиживаешь штаны в Кунсткамере да по провинциям без толку шляешься.

— За наукой будущее, — хрипло возразил отец, так и не притронувшись к еде. — Император наш, Петр, видел в учености залог процветания государства. Мои изыскания изменяют жизнь в России и улучшат самого человека.

— До императора тебе далеко, а людей Бог создал по своему подобию, и улучшать в них нечего, — промычал дед с набитым ртом. — Упрямство и гордыня до добра не доведут. Ты за последнюю свою авантюру до сих пор долги отдаешь. Мои деньги растратил, и все ради того, чтобы с Русского моря притащить в столицу камень в шестьдесят пудов...

— Это самородное железо, метеорит, — перебил его отец. — Академик Паллас нашел подобный камень и снискал мировую славу, но моя находка во сто крат важнее.

— Вот что, Александр. — Дед вытер губы салфеткой и раздраженно бросил ее на стол. — Каждый имеет свое предназначение. Наше — сабля, пика и пистоль, тем и держится род Ушаковых. — Он грохнул кулаком по столу так, что посуда на нем жалобно звякнула.

Отец свое предназначение исполнил. Когда войска Бонапарта подошли к Неману, сменил сюртук на мундир и отбыл в распоряжение армии Барклая де Толли. Улицы Санкт-Петербурга заполнились телегами, кибитками и каретами. Люди бежали в Ярославль, Вологду, Кострому. По углам шептались, что французы уже на полпути к столице, но к середине июля пришла весть: армия узурпатора отброшена обратно в Полоцк. В тот день Флавия скрутила лихорадка, и он до вечера провалился в кровати. Ближе к ночи приехал его крестный — граф Оленев, одетый в запыленную форму обер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка и с грязной повязкой на голове. Рослый, с орлиным носом и пышными бакенбардами, граф слыл весельчаком, любил посмеяться и отпустить сальную шуточку, но в этот раз на лице его отпечаталась скорбь.

Мать встретила гостя на пороге.

— Елена, — обратился он к ней едва слышно, — у меня плохие вести.

Под Клястицами северная армия Бонапарта увязла в боях и начала отступать. Александр Ушаков вместе с драгунами преследовал бегущих

французов, но после атаки его не нашли ни среди живых, ни среди мертвых.

От графа несло сыростью и табаком. Он переминался с ноги на ногу, то и дело откашливаясь. Его слуга принес оставшиеся от отца вещи: кованный сундучок с бумагами и небольшую седельную сумку с одеждой. Раскланявшись, граф погладил Флавия по голове и сунул ему в руки круглую жестяную коробку с леденцами.

Мать заперлась в спальне. Флавий сквозь дверь слышал ее рыдания. Он до ночи бродил по пустому дому, натываясь на мебель. Засел в кабинете отца, перебирая там археологическую коллекцию из раскопок: древние черепки, монеты и медальоны. Отец смотрел с портрета на стене времен его экспедиций на север — бородатый, в меховой шапке и поморском тюленьем совике. В груди пенилась едкая горечь, и Флавий заглушал ее сладостью подаренных леденцов. Липкая патока заполняла рот и горло, собиралась комом в животе, но не приносила облегчения.

Под утро Флавий уснул, и ему приснился кошмар. Из тех, что, раз появившись, повторяются долгие годы. Нечто огромное и бесформенное двигалось в кромешной тьме, издавая едва различимый шорох. Пристально смотрело, словно оценивало, тянулось то ли щупальцами, то ли клешнями. Флавий проснулся мокрый от пота и поблагодарил Бога за дневной свет за окном.

Минуло два месяца, и вот Матвей Ушаков приехал за Флавием. «Не желаю доверять безродной поморке воспитание внука», — сообщил он в письме неделей ранее. Мать не смогла возразить. После пропажи кормильца дом со всем имуществом отошел к Ушакову-старшему, покрывшему долги. На самом деле дед боялся матери — считал чуть ли не ведьмой. Отец встретил ее в экспедиции на Русское море и влюбился без памяти. У себя на родине мать травами и камнями лечила болезни. Переняла дар у своей бабки, а та — у своей. Жила в срубе на пустынном острове, и народ приезжал к ней с окрестных деревень и даже из Архангельска.

Слуги носили тюки с вещами в экипаж деда. Мать молча стояла рядом с одетым в дорогу Флавием, высокая, хрупкая, с потемневшими от горя глазами. От нее сыну достались русые волосы, голубые глаза и бледная кожа, от отца — прямой нос с горбинкой и тонкие губы. Характером Флавий тоже пошел в родителя — упрямый, если что надумает, не отступит.

Мать поцеловала Флавию в лоб, осенила крестным знаменем и надела ему на шею отцовский серебряный медальон-змеевик из вещей, привезенных Оленевым. На аверсе поблескивала чеканная фигурка Феодора Стратилата: кольчуга, латы, в руке — копьё, на обороте — вились змеи вокруг головы Горгоны.

— Пусть он хранит тебя, — прошептала мать, обдав Флавию легким, с запахом молока, дыха-

ГИБЛЫЙ УЕЗД

нием. — Это тебе наш с папой подарок на день рождения.

Флавий вцепился в ее тонкую кисть — белую с синими, словно реки, прожилками. Слезы струились по его щекам, а в груди, под отцовским медальоном, растеклось живительное тепло. Казалось, кругляш едва заметно вибрирует, внушая успокоение.

— Господин Ушаков, — раздраженно пробасил дед, — извольте в карету.

Экипаж неся по пустым улицам. Дождь хлестал по кожаному пологу. Копыта гулко стучали по мостовой. Все, кто мог, покинули Петрополис. Москве пришлось еще хуже. Древнюю столицу объяли пожары, французы хозяйничали в Кремле.

Мимо промелькнули помпезные здания Большой Морской, экипаж свернул на Вознесенский проспект, промчался узкими улочками до Смольного собора и выскочил к Неве. Флавий прильнул к окну, будто силился напоследок впитать очертания города. Позади, на набережной, остался родной дом, а еще дальше, на Васильевском — дом Анны. Рука сама потянулась к игрушечному солдатику в кармане сюртука. Пальцы с силой сжали оловянную фигурку, Флавий словно перенесся на ступени Исаакиевского собора, где он год назад впервые встретил Анну.

Весело щебетали птицы, жаркие солнечные зайчики скользили по гранитным плитам. Зеленое шелковое платье на Анне колыхалось от легкого

ветерка, смоляные волосы струились волнами между ключицами. Веер выскользнул из ее детской ладошки, и Флавий поднял его. Их взгляды встретились, и он сразу понял, что никогда не забудет эту девочку с карими глазами, тонкими пальцами и лукавой улыбкой.

Анна его тоже не забыла. Под Рождество Флавия пригласили на костюмированный бал в дом губернского секретаря и удачливого коммерсанта Ивана Гроссшопфа. Двухэтажный особняк с колоннами и мансардной располагался на углу восемнадцатой линии Васильевского острова. Анна, средняя из дочерей Гроссшопфа и хозяйка бала, встречала гостей у парадной лестницы. В белом с зелеными вставками платье и с маленькой золотой короной на голове, она словно сошла со страниц книг о сказочных принцессах. Флавия родители нарядили в красный гусарский мундир с золочеными эполетами и деревянной саблей на поясе.

Детей собралось человек сорок — в основном отпрыски местных дворян, наряженные соответственно празднику цветасто и пышно. Рыцари, пажи, феи, гренадеры и мушкетеры — все толпились вокруг хозяйки бала. Флавий лишь некоторых знал в лицо, но Анна каждого привечала, как старого знакомого, улыбалась и шутила. Ее звонкий смех разлетался по дому. Флавий мялся в углу гостиной, теребя рукав потешного мундира. Ждал, когда праздник закончится и можно будет убраться восвояси.

ГИБЛЫЙ УЕЗД

Но вышло по-другому. Как только у Анны выдалась свободная минутка, она крепко стиснула руку Флавия и потащила его подальше от гостей на второй этаж особняка. По дороге они прихватили коробку конфет и засели под массивным дубовым столом в кабинете Ивана Гроссшопфа. Поначалу Флавий нервничал. Анна сжимала его ладонь и шептала:

— Не бойся, никто не узнает.

И он успокоился. Они жевали шоколад и болтали о всякой всячине. Было жарко, душно и сладко. Хотелось, чтобы так продолжалось вечно...

Экипаж переправился на Охтинский берег и загромыхал по кривым улочкам с деревянными постройками. Дождь перестал, и небо прояснилось. Сквозь серые облака виднелись голубые проплешины. Промелькнула каменная пожарная каланча. Флавий откинулся на сиденье. Теперь до самого Тихвина — унылый берег Ладожского озера, лес, поля и болота. Кучер на козлах с присвистом хлестал лошадей. Дед Матвей, посапывая, дремал. Флавий закрыл глаза, гадая, какая судьба ему уготована. Сердце его бешено колотилось.

Глава 1

КОЛОБ

Над оврагом конь оступился и начал съезжать по раскисшему склону. Всадник отпустил поводья, обхватил шею коня и дал шенкеля. Животное напряглось, заржало и двумя порывистыми прыжками вернулось на дорогу. День не задался. На рассвете зарядил дождь. Дорожная глина размокла, превратившись в непроходимую грязь. Флавий Ушаков, молодой уездный следователь, выехал на свое первое самостоятельное поручение еще затемно, но не надеялся добраться до места раньше полудня.

Прошло несколько часов напряженной езды. Наконец в рошицах между унылыми осенними полями все чаще начали встречаться почерневшие часовенные столбы, а вдоль дороги — следы крестьянского хозяйства: сгнившая деревянная борона, телега со сломанной осью, свежесрубленные деревья. Флавий ободрился, предвкушая окончание утомительного путешествия, и вскоре